

Полиція также по своимъ уставамъ, безъ избавленія ея отъ производства слѣдствій и устраненія ея отъ разбора дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ, не измѣняла своего положенія. Она была безобразна до-нельзя. Однимъ словомъ, судъ и полиція шли параллельно, блистая, если можно такъ выразиться, своимъ неустройствомъ.

О разныхъ курьезахъ по судейскимъ дѣламъ мы расскажемъ еще впоследствии, а теперь объяснимъ, что всѣ упомянутыя мысли не суть слова пишущаго эти строки, напротивъ того, онѣ были выражены самимъ приспомянутымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ по слѣдующему случаю.

Въ 1849 году признано было необходимымъ произвести сенаторскую ревизію Калужской губерніи, для каковой цѣли назначенъ былъ сенаторъ князь Давыдовъ, а при немъ, въ качествѣ старшаго чиновника, опредѣленъ былъ я, пишущій эти строки. Въ числѣ чиновниковъ, прикомандированныхъ къ сенатору, находился и графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, извѣстный по своимъ сочиненіямъ, и А. К. Жизневскій, нынѣшній предсѣдатель тверской казенной палаты—юристъ по воспитанію и археологъ по душѣ.

Ревизія эта вызвана была особымъ случаемъ. Сынъ генераль-лейтенанта Ершова, Иванъ, жаловался государю на то, что будто бы его отецъ, подъ вліяніемъ калужскаго губернатора Смирнова, совершилъ дарственную запись, въ пользу своей незаконной дочери Софіи, бывшей замужемъ за Россетомъ, братомъ жены Смирнова, Александры Іосифовны, и тѣмъ самымъ лишилъ его отцовскаго наслѣдства. Вотъ по этому случаю сенатору князю Давыдову велѣно было произвести слѣдствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать и ревизію всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ губерніи.

Предъ отъѣздомъ въ Калугу князь Давыдовъ представлялся императору Николаю Павловичу.

— „Поѣзжай“, сказалъ ему государь, — „знаю напередъ, что хорошаго ты тамъ мало найдешь. Суды въ безпорядкѣ. Полиція не лучше. Проекты о ней въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не двигаются впередъ. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а разоряютъ. О нихъ я тщетно стараюсь много лѣтъ. Но главное, продолжалъ государь, обрати ты вниманіе на то, почему въ

Калужской губерніи, гдѣ нѣкогда, какъ мнѣ извѣстно, процвѣтали полотняные заводы, снабжавшіе своими издѣліями даже Америку, пали. Какъ объяснить это, и нельзя ли это поправить“?

Слова сіи, по окончаніи аудіенціи, записаны были сенаторомъ и переданы имъ потомъ мнѣ.

Желаніе государя было исполнено и обстоятельныя донесенія представлены, по окончаніи ревизіи, куда слѣдуетъ.

Скажемъ при этомъ, что жалоба Ершова не подтвердилась, и за клевету онъ былъ преданъ суду.

Въ отношеніи неудовлетворительнаго состоянія судебныхъ мѣстъ, полиціи и дворянскихъ опекъ, слова государя по ревизіи вполнѣ подтвердились.

Скажемъ кстати, что улучшение полиціи и судовъ состоялось гораздо позже, именно въ 1860 году.

Это улучшение состояло въ отдѣленіи отъ полиціи слѣдственной части и въ учрежденіи особыхъ слѣдователей, съ подчиненіемъ ихъ суду, подъ надзоромъ губернскихъ прокуроровъ, и, наконецъ, въ соединеніи городской полиціи съ уѣздной.

Составленіе проэктвъ по сему предмету было произведено особою комиссіею, состоявшею подъ предѣдательствомъ Н. А. Милютина, въ коей участвовалъ и я. Въ этой же комиссіи выработаны и указаны тѣ случаи и дѣла, кои слѣдовало отдѣлить отъ полиціи и передать въ вѣдѣніе предполагаемыхъ мировыхъ судей.

Но дворянскія опеки, бывшія, какъ замѣтилъ государь, въ неудовлетворительномъ состояніи, остались съ 1849 года безъ переменъ и понынѣ.

Предположенія о преобразованіи этихъ опекъ и сиротскихъ судовъ возникли едва ли не въ первые годы царствованія императора Николая; проэкты о нихъ вносились нѣсколько разъ въ государственный совѣтъ, но по неполнотѣ, а равно и по другимъ причинамъ, они возвращались обратно.

Упомянувъ, что въ числѣ чиновниковъ при сенаторѣ князѣ Давыдовѣ въ 1849 году былъ графъ А. К. Толстой, скажемъ, что онъ, исполняя разныя порученія по ревизіи, посвящалъ не мало времени и литературнымъ занятіямъ и написалъ въ это время Князя Серебрянаго. Трудъ этотъ онъ читалъ впер-

вые лицамъ избраннаго калужскаго общества, въ числѣ котораго блистала тогда супруга губернатора Смирнова—Александра Иосифовна. Личность эта, по своимъ достоинствамъ и по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ А. С. Пушкину, князю П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, Н. В. Гоголю и другимъ, весьма извѣстна въ нашей литературѣ.

Въ Калугѣ, при ревизіи сенатора князя Давыдова, во время дворянскихъ выборовъ, обнаружился слѣдующій курьезъ. Нужно было избрать предсѣдателя гражданской палаты, которая, по своему положенію и накопленію въ ней дѣлъ, требовала болѣе или менѣе опытнаго человѣка. Многіе благомыслящіе дворяне, а равно губернаторъ и сенаторъ, указывали на двухъ лицъ, именно Унковскаго и князя Оболенскаго. Открылась баллотировка, и что же вышло? два эти лица забаллотированы были громаднымъ большинствомъ. Въ это время, какъ бы въ шутку, кто то сказалъ: „а не попросить ли намъ баллотироваться Ивана Сидоровича Толмачева въ предсѣдателя“? Лицо это было извѣстно въ Калугѣ своею простотою, доходившею до невозможности, а объ образованіи и знаніи судебнаго дѣла и говорить было нечего. Началась баллотировка, и нашъ Иванъ Сидоровичъ Толмачевъ, ко вреду святаго дѣла правосудія, избранъ былъ громаднымъ большинствомъ. Нѣкоторые объясняли это нерасположеніемъ дворянъ къ губернатору, желавшему провести въ предсѣдатели князя Оболенскаго, какъ своего родственника. Такъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ свидѣтельствуешь, что дворяне выборомъ лицъ въ судейскія должности не дорожили и не придавали этому никакой важности.

Сенаторъ князь Давыдовъ счелъ своимъ долгомъ чрезъ министра юстиціи довести о семъ до свѣдѣнія государя, объяснивъ, что Толмачевъ, какъ малосвѣдущій, положительно не можетъ быть утвержденъ въ должности предсѣдателя калужской гражданской палаты. Но государь Николай Павловичъ взглянулъ на это дѣло совсѣмъ иначе: смыслъ его взгляда былъ таковъ, что если дворяне не хотятъ сознавать важности предоставленныхъ имъ правъ, то въ видахъ наказанія ихъ — повелѣлъ утвердить Толмачева въ должности предсѣдателя.

Въ параллель сему случаю расскажу еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ дворяне-предсѣдатели смотрѣли